

...А ПОСЛЕ ТОРГОВ КУПЦЫ ШЛИ В ОПЕРУ

При слове "ярмарка" все сразу вспоминают, что там заключались сделки на миллионы рублей. Миллионы дореволюционными — это были деньги. Как начинаешь их представлять, тут же приходит на ум рядовое меню рядового ресторана. Ну, скажем, 15 июня 1890 года предлагали такой вариант: первое блюдо — суп кольбер, консоме с дяблем, пирожки растворчатые, окрошка;

второе — шниц по-венски, молодой картофель;

третье — цветная капуста, соус самбаен, судак орли;

четвертое — стерлядь фри, салат, маринованная вишня;

пятое — клубника со сливками, гляс понаше.

Цены: обед из двух блюд — пятьдесят копеек, из трех — семьдесят, из четырех — восемьдесят пять копеек, из пяти — один рубль.

Еще когда говорят "ярмарка", вспоминается определение "карман России" и толстый, вальяжный купец. Много купцов. Таких, как на знаменитой фотографии Дмитриева: руки в боки, в глазах уверенность и довольство.

И мало кто вспоминает сегодня, что в знаменитом этом "кармане" был огромный оперный театр. Не театр Фантош и не театр лилипутов (они тоже были. Как были и шантаны, и дамские оркестры, и женские хоры — да чего только не было на ярмарке!). Был самый настоящий Большой оперный театр. Его здание много раз перестраивалось. В 1877 году построили последнее, невероятно большое для того времени — на 1800 мест — и приспособленное для постановки самых сложных оперных и балетных спектаклей.

Большой ярмарочный театр работал только летом, только пока шла ярмарка. Сезон в нем открывался, как правило, пятнадцатого июля, в день открытия ярмарки.

Вообще-то опера (в отличие от драматического, а тем более от опереточного театра) всегда была в России заведомо убыточным делом. И все же ее держали. По крайней мере, всегда были города, которые предъявляли антрепренерам ультимативное требование: полсезона — драма, полсезона — опера. Такие сезоны были невыгодны антрепренеру. Даже если драма делала хорошие сборы, вся прибыль от нее уходила на оперу. Опера стоила очень дорого.

Большой ярмарочный театр в Нижнем Новгороде был одним из немногих, где опера приносила стабильный барыш, причем очень крупный — до пяти тысяч рублей за вечер.

Конечно, это было не просто так. За "просто так" деньги на ярмарке выкладывать никто бы не стал. Секрет привлекательности Большого театра был столь же прост, сколь и очевиден. То есть вообще не было никакого секрета. Была общая коммерческая заинтересованность. В каждом спектакле принимали участие приглашенные "звезды". Публика шла на столичных гастролеров, гастролеры получали свои большие деньги — театр жил, и как жил!

Кто только ни пел в Ярмарочном театре: Леонид Яковлев, Альма Фострем, Федор Шаляпин... И, конечно, любимец нижегородской публики Николай Фигнер. Казанский дворянин по происхождению, морской офицер по образованию, оставивший морскую службу ради неясной в тот момент возможности блистать на сцене, Н. Фигнер сам сделал свою

артистическую личность. Он добился невероятного профессионализма. Ценой огромного напряжения он умел заставить свой стального оттенка голос звучать мягко и нежно. Он умел подняться до таких трагических высот, что публика холодела, замирая, или рыдала в неистовстве. Он обожал эффекты: в финальной сцене оперы "Отелло", например, он скатывался по пятнадцати ступеням вниз — от постели умирающей Дездемоны, стоявшей на возвышении, до подножия лестницы — и только после этого "умирал"...

При появлении на сцене Фигнера в театре буквально "стон стоял".

Но Фигнер был не только артистом. В середине девяностых годов он купил театр, приносящий ему каждое лето такие хорошие деньги. С этого момента Большой ярмарочный театр стал именоваться "Театром Фигнера на ярмарке". "Фигнер-коммерсант" — это отдельная тема. Не менее яркая, чем темы "Фигнер-певец" или "Фигнер-морской офицер".

Вот тут, вроде бы, надо и закончить, но я добавлю все же в постскрипум.

Проще всего было бы объяснить успех оперного театра среди пестрой ярмарочной публики громкими именами артистов императорских театров в афишах. Но это лишь часть правды. Другая часть — сама публика. Как бы и что бы ни говорили мы о Нижнем Новгороде, о российской провинции и российских купцах — они ходили в оперу! Конечно, были и такие, кто попадал туда случайно, "из куражу". Но, во-первых, и того, кого впервые приводил в театральный зал "кураж", во второй и в третий раз (а они обычно следовали за первым) вело туда уже нечто другое. А во-вторых... Тысяча восемьсот мест в зале — это не сто и не двести, и случайными "набегами" случайной публики тут ничего не объяснишь. Оперный театр — это было престижно. Это была другая, "высокая", совсем незнакомая жизнь, где, как один купец сказал, "сердце-то, сердце как вот захолонет..."

...Оперу в Большом ярмарочном театре перестали ставить в 1914 году. Наступало новое время.

Вера РОМАНОВА.